Труды Ярославской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

КНИГА III, ВЫПУСКЪ 3.

Пребываніе въ г. Ярославлѣ семьи графа **Ѳ. В. Ростопчина**, осенью 1812 г., по описанію **Н. Ѳ. Нарышкиной**, рожденной графини Ростопчиной.

Труды Ярославской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

КНИГА III, ВЫПУСКЪ 3.

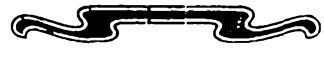
Пребываніе въ г. Ярославлѣ семьи графа Ѳ. В. Ростопчина, осенью 1812 г., по описанію Н. Ѳ. Нарышкиной, рожденной графини Ростопчиной.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-Литографія Н. Х. Николаевой, Спаскій Мон.
1912.

Печатано по опредѣленію Общаго Собранія Ярославской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Н. Ѳ. Нарышкина, рожд. графиня **Ростопчина.**

Пребываніе въ г. Ярославлѣ семьи графа Ѳ. В. Ростопчина, осенью 1812 г.



Предлагаемое описаніе пребыванія въ г. Ярославлѣ семьи графа Ѳедора Васильевича Ростопчина, его супруги графини Екатерины Петровны, рожд. Протасовой, и трехъ дочерей: Наталіи, впослѣдствіи, по мужу, Нарышкиной, Софіи, впослѣдствіи, по мужу, графини де-Сегюръ, и Елизаветы, скончавшейся въ ранней молодости, представляетъ собою отрывокъ изъ неизданнаго жизнеописанія графа Ѳ. В. Ростопчина (Le comte Rostoptshine et son siècle), составленнаго въ шестидесятыхъ гг. прошлаго столѣтія старшею изъ дочерей графа, Наталіею Ѳедоровною Нарышкиною, и сохранившагося, въ рукописи на французскомъ языкѣ, въ фамильныхъ бумагахъ.

Письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ женѣ, выдержки изъ которыхъ приведены въ печатаемомъ отрывкѣ, были помѣщены въ Русскомъ Архивѣ за 1901 г.

Трудъ Н. Ѳ. Нарышкиной въ полномъ видѣ появится въ скоромъ времени въ печати на французскомъ языкѣ.

Дѣйствительный членъ Ярославской Ученой Архивной Комиссіи.

Графиня В. А. Татищева, рожд. Нарышкина.

Вечеромъ 30 Августа отецъ объявилъ намъ, что мы должны выѣхать на другой день рано утромъ; больше терять времени было нечего, такъ какъ наша армія, находившаяся неподалеку, должна была занять позицію у самой Москвы. И, хотя никто еще не вѣрилъ, чтобы городъ могъ быть сданъ непріятелю безъ долгой и упорной борьбы, однако, въ виду того, что зрѣлище убитыхъ и раненыхъ со всѣми ужасными сценами, сопровождающими кровопролитное сраженіе, было бы выше силъ моей матери, которая не переносила ни малѣйшаго шума и волненія, было рѣшено разстаться. Но сколько тревоги и нравственныхъ мукъ долженъ былъ испытать мой отецъ при мысли о нашемъ отъѣздѣ и о той опасности, которой мы могли бы подвергнуться, если ему суждено было пасть, защищая Москву?!

Какъ я уже сказала, отецъ назначилъ нашъ отъѣздъ на 31 Августа, но потомъ отложилъ его до 1-го Сентября, такъ какъ мы надѣялись повидаться съ моимъ братомъ [1]); къ сожалѣнію онъ прибылъ въ Москву черезъ нѣсколько часовъ послѣ нашего отъѣзда. Мы собрались въ послѣдній разъ въ 5 часовъ утра въ кабинетѣ матери. Отецъ обратился къ намъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ, что, по всей вѣроятности, прощается съ нами навѣки, что, будучи начальникомъ города, онъ рѣшилъ раздѣлить опасность народа и войска и что онъ можетъ найдти смерть въ бою. Благословляя насъ, отецъ намъ завѣщалъ подчиняться матери и утѣшать ее въ горѣ. Затѣмъ, взявъ на колѣни свою любимицу, маленькую Лизу, онъ нѣжно ее поцѣловалъ, прося насъ любить и беречь ее. Наконецъ, обратившись къ своей подругѣ жизни, онъ благодарилъ ее за то счастіе, которымъ она его окружила, просилъ ее вспоминать о немъ въ молитвахъ и забыть всѣ тѣ огорченія, которыя онъ могъ причинить ей въ теченіи ихъ совмѣстной жизни. Удрученный горемъ, онъ обнялъ насъ въ послѣдній разъ и сдѣлалъ намъ знакъ удалиться.

---

[1]) Старшій сынъ Растопчина, гр. Сергѣй Ѳедоровичъ, находился въ то время въ арміи адьютантомъ при Барклай-де-Толли.

Прим. перев.

Дойдя до порога, я обернулась, чтобы еще разъ на него взглянуть; онъ стоялъ на колѣняхъ передъ образомъ Спасителя и казался погруженнымъ въ горячую молитву.

Выйдя въ гостиную, мы нашли ее полной народа,— всѣ хотѣли съ нами проститься. Г. Карамзинъ [1]) показался мнѣ болѣе всѣхъ растроганнымъ и взволнованнымъ: любящій мужъ и нѣжный отецъ, онъ долженъ былъ хорошо понимать и сочувствовать нашему горю. Нашъ добрый Тончи [2]) былъ блѣденъ и разстроенъ, у чиновниковъ были растерянныя лица, вообще я не запомню отъѣзда при болѣе грустныхъ обстоятельствахъ. Въ городѣ все было въ полномъ смятеніи; нашъ отъѣздъ удвоилъ всеобщую панику и всѣ улицы были запружены дорожными экипажами. Еще болѣе раздирающее зрѣлище ожидало насъ за городской заставой: большая дорога къ Троицѣ, по которой намъ предстояло ѣхать, была сплошь усѣяна бѣдными пѣшеходами, съ горькимъ плачемъ покидавшими мѣста, съ которымъ они были связаны столькими узами. Они увозили съ собой все свое имущество: коровы, собаки, лошади слѣдовали за телѣгами, въ которыхъ, вмѣстѣ съ курами и хозяйственной утварью, помѣщались дѣти и дряхлые старики. Время отъ времени несчастные изгнанники оборачивались, чтобы окинуть грустнымъ взоромъ мѣста, которыя они не надѣялись больше увидѣть, и тогда плачъ и рыданія возобновлялись съ новой силой. Намъ пришлось подвигаться шагомъ, чтобы избѣжать несчастнаго случая, и только у первой станціи дорога нѣсколько очистилась отъ повозокъ, тянувшихся по ней въ два ряда отъ самой Москвы. Мать рѣшила переночевать въ Троицѣ, зна-

[1]) Карамзинъ, Николай Михайловичъ (1766—1826), исторіографъ.

[2]) Тончи Сальватеръ Сигизмундовичъ въ Россіи называвшійся Николаемъ Ивановичемъ Тончіемъ (1756—1848), родомъ италіанецъ, прибывшій въ каче твѣ пѣвца ко двору послѣдняго польскаго короля Станислава Понятовскаго, послѣ отказа отъ престола Понятовскаго, вмѣстѣ съ послѣднимъ, въ 1795 г., переселился въ Петербургъ, а потомъ въ Москву, гдѣ и жилъ до конца жизни. Поступивъ въ 1815 г. на службу въ Кремлевскую экспедицію, Тончи въ продолженіи 25 лѣтъ занималъ должность инспектора рисовальныхъ классовъ Архитектурной школы (Училище живописи и ваянія въ Москвѣ.)

Былъ женатъ на княжнѣ Натальѣ Ивановнѣ Гагариной (1778—1832 гг.) и въ началѣ прошлаго столѣтія занималъ видное положеніе въ аристократическихъ кружкахъ Московскаго общества, состоя въ дружбѣ, между прочимъ, и съ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ. Поэтъ, музыкантъ и пѣвецъ Тончи прославился какъ портретистъ. Большую извѣстность ему доставилъ портретъ поэта Державина, находящійся теперь в Москов комъ Румянцевскомъ музеѣ. Тончію Державинъ посвятилъ стихотвореніе: Къ безсмертному Тончію. (Собр. Соч. II).

Прим. перев.

менитомъ монастырѣ Св. Сергія, расположенномъ въ 60 километрахъ отъ Москвы, гдѣ мы не чувствовали бы себя разобщенными съ отцомъ. Слѣдующій день мы напрасно прождали извѣстій отъ отца, а разсказы проѣзжихъ изъ Москвы такъ напугали мать, что она на другой день рѣшила немедленно продолжать путь, чтобы скорѣе доѣхать до Ярославля. Безпокойство и горе не давали мнѣ заснуть и немного послѣ полуночи, увидѣвъ, что часть неба покрыта постепенно распространяющимся красноватымъ свѣтомъ, я спросила кучера, что это за отдаленный огонь? Очевидно, щадя меня, кучеръ объяснилъ, что это отраженіе крови воиновъ, погибшихъ на полѣ брани. Такое поэтическое объясненіе меня ни мало не успокоило; смутная картина пожара и разрушенія рисовалась моему воображенію, и я подумала о всемъ томъ, что долженъ былъ переживать въ эти минуты нашъ бѣдный отецъ.

Мы благополучно достигли Ярославля, который кишѣлъ бѣглецами изъ Москвы, число которыхъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. За отсутствіемъ тамъ въ то время гостиницы, мы въ теченіи двухъ часовъ тщетно искали себѣ пристанища въ частныхъ домахъ. Наконецъ, полиціймейстеру, присланному къ намъ принцемъ Ольденбургскимъ, тогдашнимъ ярославскимъ военнымъ губернаторомъ, которому отецъ поручилъ насъ, съ трудомъ удалось уговорить одного крупнаго мучного торговца, имѣвшаго домъ довольно внушительнаго вида на главной площади, уступить намъ нѣсколько комнатъ. Мать нашу крайне стѣсняло гостепріимство людей, недоброжелательно къ намъ относившихся. Впослѣдствіи, намъ не мало пришлось перенести неудовольствій отъ ярославскаго купечества и дворянства, неодобрявшихъ дѣйствій отца, и, безъ покровительства принца Ольденбургскаго и его супруги, Великой Княгини Екатерины Павловны, мы рисковали, что насъ нигдѣ не примутъ.

На другой же день по пріѣздѣ моя мать отправилась представиться Великой Княгинѣ, которая еще ничего не знала о происходившемъ въ Москвѣ и, вполнѣ успокоенная увѣреніями князя Кутузова, что онъ не отдастъ Москвы безъ боя, не хотѣла вѣрить начинавшимъ уже распространяться

слухамъ. Сущность этихъ слуховъ сводилась все къ тому же, т. е. къ вступленію Наполеона въ нашу древнюю столицу. Когда мать вернулась изъ дворца, она застала у нашего подъѣзда Якова, отцовскаго комердинера съ письмомъ отъ отца слѣдующаго содержанія.

1-го Сентября 11 час. ночи.

„О, мой другъ, какъ ни жестока была наша разлука, но то, что совершается теперь, ни съ чѣмъ несравнимо. Сегодня утромъ я былъ у этого негодяя Кутузова (chez cet infâme Koutousoff). Онъ спросилъ у меня моего мнѣнія. Я отвѣтилъ ему, что, находясь съ арміей въ семи верстахъ отъ Москвы, онъ долженъ дать сраженіе, а въ случаѣ неудачи занять Калужскую дорогу, чтобы закрыть непріятелю путь на югъ и чтобы получать припасы и подкрѣпленія. Онъ со всѣмъ былъ согласенъ. Я распростился и взялъ съ собой Сергѣя, который и обѣдалъ у насъ въ домѣ.... Въ 7 часовъ получаю письмо отъ князя Кутузова, въ которомъ онъ сообщаетъ мнѣ, что позиція невыгодна, что Москву онъ оставляетъ съ горестью и намѣренъ занять Рязанскую дорогу. Войска уже проходятъ черезъ городъ. Москва будетъ разграблена, разорена русскими. Бросаютъ 22.000 раненыхъ и еще питаютъ послѣ этого надежду сражаться и царствовать. Кровь кипитъ у меня въ жилахъ, мнѣ кажется, что я умру съ горя. Другъ мой, если будетъ какая-либо опасность для тебя въ Ярославлѣ, переѣзжай въ Нижній. Богъ вѣсть, когда получу я извѣстіе отъ тебя. Люди отправились въ Ливны [1]). Я послѣднимъ покину городъ и присоединюсь къ арміи...»

Можно себѣ представить впечатлѣніе, произведенное на насъ этимъ письмомъ. Вечеромъ того же дня намъ доложили о пріѣздѣ московскаго дворянина, Толбухина по фамиліи, покинувшаго Москву въ моментъ вступленія непріятеля. Этотъ господинъ подошелъ къ намъ съ трагичнымъ видомъ, сталъ въ позу, раскланялся и, простирая руку къ зажженнымъ на столѣ свѣчамъ, пробормоталъ на плохомъ французскомъ языкѣ: «Вотъ во что превращена

[1]) Родовое имѣніе Ростопчина въ Орловской губерніи.

Москва...» Хотя фигура и произношеніе нашего гостя по казались намъ забавными, насъ все-же живо заинтересовали разсказы о катастрофѣ, которой онъ былъ свидѣтелемъ. Увы, все было кончено. И что могло ожидать насъ въ будущемъ?

На другое утро Великая Княгиня прислала за моей матерью, которая нашла Ея Высочество грустной и встревоженной. Она только что получила письмо отъ отца, въ которомъ, увѣдомляя Великую Княгиню о положеніи дѣлъ, онъ поручалъ ей свою семью. Принцъ Ольденбургскій обѣщалъ тотчасъ насъ предупредить, если бы Ярославлю стала угрожать малѣйшая опасность. Трудно описать ужасъ жителей Ярославля; страхъ, что французы распространятъ свое завоеваніе далеко за предѣлы Москвы, наполнялъ всѣ сердца и каждый готовился спасаться бѣгствомъ до крайнихъ предѣловъ отечества. Я не понимаю, какъ Наполеону не пришло въ голову послать нѣсколько отрядовъ въ нашу сторону. Два такихъ богатыхъ монастыря, какъ Ростовскій и Троице-Сергіева Лавра, расположенные на самой большой дорогѣ въ Ярославль, представляли собой лакомый кусокъ для французскихъ солдатъ, а въ самомъ Ярославлѣ можно было найдти огромные запасы ржи, сѣна, муки и полотна. Но къ счастью насъ оставили, какъ и монаховъ, въ покоѣ и намъ пришлось видѣть французовъ только въ качествѣ плѣнныхъ, которыхъ присылали въ Ярославль изъ главной квартиры. Во время нашихъ прогулокъ по берегу Волги мнѣ часто приходилось ихъ видѣть и соболѣзновать ихъ печальному положенію. Они были полуодѣты и казались голодными и еле-живыми отъ холода. Дома и больницы [1]) были наполнены больными и ранеными, ежедневно прибывали новыя партіи несчастныхъ плѣнныхъ, и я хорошо себѣ не уясняю, почему ихъ заставляли ждать на главной площади прежде, чѣмъ развести по отведеннымъ имъ квартирамъ. Эти несчастные были по большей части одѣты въ лохмотья, вмѣсто обуви они обвертывали ноги соломой или кусками войлока. Къ концу

---

[1]) Между прочимъ, Екатерининскій Домъ Призрѣнія Ближняго былъ отданъ подъ раненыхъ, а призрѣваемые въ немъ въ количествѣ 110 человѣкъ со священникомъ, ризницею и церковной утварью отправлены 7-го Сентября въ Вологду. (Скульскій. Истор. очеркъ Дома Призрѣнія Ближняго).

Прим. перев.

Октября холода стали невыносимы для полуголыхъ людей и сердце сжималось при видѣ страданій, переносившихся съ поразительнымъ мужествомъ и веселостью. Надо отдать справедливость ярославцамъ того времени: состраданіе ихъ къ обезоруженному врагу было безгранично и должно было снискать имъ Божіе благословеніе. Каждый разъ, когда обозъ съ плѣнными появлялся на площади, можно было видѣть, какъ тотчасъ же со всѣхъ сторонъ туда устремлялись разнаго рода люди съ корзинами, наполненными провизіей и одеждой. Жалкія телѣги плѣнныхъ наполнялись овчинными тулупами, валенками, теплыми одѣялами, пакетами съ чаемъ, сахаромъ, кофе и хлѣбомъ. Богатые помогали деньгами, бѣдные предлагали, что могли. Нѣкоторые обыватели получили разрѣшеніе кормить плѣнныхъ въ своихъ домахъ. Правительству не приходилось ничего давать отъ себя, и послѣ нѣсколькихъ дней отдыха плѣнные могли продолжать свой путь обильно снабженные всѣмъ необходимымъ, что могло предохранить ихъ отъ холода.

Очаровательная сестра Императора Александра, Великая Княгиня Екатерина Павловна, относившаяся всегда съ особымъ расположеніемъ къ отцу, часто приглашала мою мать къ себѣ во дворецъ и разъ попросила привезти и насъ съ собой. Мнѣ тогда было всего четырнадцать лѣтъ, но я хорошо помню до сихъ поръ обстановку комнатъ Ея Высочества и разговоръ, который тамъ происходилъ. Принцъ подсѣлъ къ намъ и задалъ нѣсколько вопросовъ, на которые мы отвѣтили съ большимъ смущеніемъ. Великая Княгиня была прелестна въ то время; не отличаясь классической красотой, она очаровывала ослѣпительнымъ цвѣтомъ лица, живостью его выраженія, стройностью осанки, мягкостью и граціей движеній. Щедро одаренная блестящимъ и глубокимъ умомъ, она, зная, что ея пребываніе въ Ярославлѣ будетъ непродолжительнымъ, вела уединенный образъ жизни, удрученная безпокойствомъ и горемъ, въ которыя ее повергали политическія событія.

Городъ Ярославль можетъ теперь соперничать съ Одессой, Харьковомъ и Кіевомъ. Населеніе его утроилось, соразмѣрно чему поднялись культура и благосостояніе, но въ то время въ немъ еще не изгладились черты грубости нравовъ. Купецъ, въ домѣ котораго мы жили, желая

оказать намъ любезность, пригласилъ насъ къ себѣ на вечеръ въ день своихъ именинъ, предупредивъ, что по случаю печальныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится Россія, танцевъ не будетъ и придется ограничиться одними разговорами. У матери была мигрень, но, не желая огорчать хозяевъ дома, она послала насъ на этотъ вечеръ съ нашей гувернанткой. Мы вошли въ гостиную, наполненную купцами, бородатыми и безбородыми, и купчихами, изъ которыхъ однѣ имѣли на головахъ шелковые платки, вмѣсто чепцовъ, а другія поражали своими удивительными головными уборами. Тутъ же было нѣсколько мелкихъ чиновниковъ, чванившихся своимъ полудворянствомъ передъ представителями стариннаго купечества, два—три ополченца и раненный подъ Бородинымъ казачій офицеръ, единственное лицо на этомъ вечерѣ, представлявшее нѣкоторый интересъ. При нашемъ появленіи настало глубокое молчаніе, всѣ встали и вытянулись въ струнку. Мое смущеніе было безгранично, мнѣ казалось, что будетъ гордостью съ моей стороны просить всѣхъ садиться, а, съ другой стороны, какая возможность въ четырнадцать лѣтъ розыгрывать роль владѣтельной особы, находящейся въ кругу придворныхъ. Къ счастью появленіе ополченскаго полковника, украшеннаго нѣсколькими незначительными знаками отличія, вывело меня изъ такого затруднительнаго положенія. Сѣвъ рядомъ со мной и видя, что всѣ стоятъ, этотъ почтенный воинъ рѣшилъ, что ему принадлежитъ старшинство и, обратившись къ остальнымъ гостямъ, продолжавшимъ пребывать въ почтительныхъ позахъ, произнесъ:—„Господа, прошу васъ садиться.“—Разговоръ очень плохо клеился и, чтобы положить конецъ такому тягостному состоянію, хозяйка дома появилась съ подносомъ, наполненнымъ разныхъ сортовъ орѣхами. Я вдругъ услышала страшный шумъ, поднявшійся отъ ихъ щелканья; одни разгрызали орѣхи зубами, другіе употребляли для этого занятія тульскіе щипцы, нашлись и такіе среди присутствующихъ, которые давили ихъ просто ногами. Мнѣ предложили щипцы, но, видя мое неумѣнье обращаться съ этимъ инструментомъ, одинъ молодой франтъ изъ мѣстной бюрократіи, обладавшій великолѣпными зубами, наполнивъ ротъ миндальными орѣхами, очистилъ ихъ зубами отъ скорлупы и съ особенною граціей поднесъ мнѣ это своеобразное угощеніе. Затѣмъ насъ стали подче-

вать чаемъ, кофе, яблоками и вареньемъ. Разговаривать больше не приходилось, такъ какъ всѣ были заняты ѣдой. Полковникъ поднялся съ мѣста, проглотивъ продукты Китая и мѣстныхъ фруктовыхъ садовъ, и мы воспользовались суматохой, вызванной его уходомъ, чтобы самимъ незамѣтно исчезнуть.

Мать рѣдко получала извѣстія отъ отца. Хотя раздѣлявшее насъ съ нимъ разстояніе было не велико, но курьерамъ приходилось дѣлать огромный объѣздъ, такъ какъ всѣ большія дороги были заняты непріятельскими отрядами. Я сдѣлаю еще нѣсколько выписокъ изъ ихъ интимной переписки. Вотъ изъ письма моего отца отъ 10 Сентября изъ большого села Пахры, находящагося неподалеку отъ Воронова [1]). „Нахожусь при арміи въ своей губерніи, защищаю бѣдныхъ крестьянъ и формирую изъ нихъ отряды. Каждый день приводятъ и убиваютъ сотни французовъ. Что за народъ и какъ съ нимъ обходятся! Знай подъ секретомъ, что Бенигсенъ мечтаетъ быть главнокомандующимъ и сносится съ Панинымъ. Много имѣю основаній подозрѣвать измѣну, но у меня есть два вѣрныхъ генерала—Коновницынъ и Ермоловъ. Я буду здѣсь, чтобы служить отечеству. Кутузовъ хуже мертваго.“

Изъ письма отъ слѣдующаго дня: „Со вчерашнаго дня ничего не произошло, кромѣ того, что Бонапартъ не знаетъ, что дѣлать, и посылаетъ небольшіе отряды во всѣ стороны. Сообщеніе со Смоленскомъ ему отрѣзано, такъ какъ часть нашего войска въ количествѣ 2.500 человѣкъ находится на можайской дорогѣ и преграждаетъ путь. Подкрѣпленія къ намъ поступаютъ, но Кутузовъ какъ бы умеръ, его не смѣютъ разбудить и какой-то бездѣльникъ за него подписываетъ бумаги, поддѣлываясь подъ его почеркъ. Оба наши дома разграблены, наша загородная дача [2]) сожжена, а бѣдный швейцаръ, желавшій помѣшать проникнуть въ нее, убитъ.

---

1) Имѣніе въ Подольскомъ уѣздѣ, купленное Ростопчинымъ у графа Воронцова. Въ настоящее время оно принадлежитъ Аннѣ Сергѣевнѣ Сабуровой, рожденной гр. Шереметевой.

2) Въ Сокольникахъ.

Прим. перев.

Вороново также будетъ разорено, такъ какъ туда отправляются непріятельскіе обозы. Ты видишь, мой другъ, что моя мысль поджечь городъ была бы полезной до вступленія злодѣя, но Кутузовъ меня обманулъ и, когда онъ занялъ позицію въ 6-ти верстахъ, наканунѣ отступленія отъ Москвы, было уже поздно. Французы ничего не нашли въ Москвѣ, но они могутъ сказать, что они ее разграбили и сожгли, что для нихъ торжество, тогда какъ видъ Москвы, превращенной въ пепелъ, возбудилъ бы ярость въ сердцахъ ихъ солдатъ и они бы увидѣли—съ какимъ народомъ имѣютъ дѣло. Не безпокойся обо мнѣ, я чувствую себя прекрасно, и если мнѣ суждено будетъ умереть, служа родинѣ и моему Государю, то я этимъ только исполню долгъ каждаго вѣрноподданнаго. Прощай, мой другъ, небольшое разстояніе насъ раздѣляетъ, но какой нужно сдѣлать крюкъ, чтобы свидѣться, и когда-то удастся намъ это сдѣлать."

Вотъ письмо, помѣченное 16 Сентября изъ Воронова: „Со вчерашняго дня я здѣсь, помѣщаюсь надъ конюшнями, гдѣ когда-то жилъ Рахвицъ (нѣмецъ берейторъ, служившій у моего отца, когда мы жили въ Вороновѣ). Я не буду тебѣ разсказывать о томъ, что происходитъ въ нашемъ имѣніи; когда все рушится, нельзя думать объ интересахъ частныхъ лицъ, но невозможно хладнокровно видѣть 120-тысячную орду разбойниковъ, опустошающихъ свое отечество. Изъ нихъ болѣе 10 тыс. рыщутъ въ нашихъ лѣсахъ. Управляющій нашъ ведетъ себя, какъ подобаетъ честному человѣку, и много хлопочетъ, чтобы собрать и пріютить тѣхъ, кому нечего ѣсть; среди брошеныхъ безъ крова много дѣтей. Я не понимаю, какъ эти бѣдные крестьяне не возмутятся противъ нашихъ солдатъ и не перейдутъ на сторону врага. Здѣшній священникъ не служитъ больше обѣдни; третьяго дня во время службы около двадцати солдатъ ворвались въ церковь и принялись ее грабить, при чемъ унесли даже горѣвшія свѣчи. Мнѣ нечего больше дѣлать въ моей губерніи, такъ какъ въ ней дѣлаютъ распоряженія и производятъ наборы, не считая нужнымъ меня о томъ предупредить, но я считаю подлостью покинуть Москву и армію въ то время, когда судьба отечества должна безповоротно рѣшиться. Я вижу предательство со стороны Бенигсена, глупость со стороны Барклая и эгоизмъ со стороны Кутузова, который ничего больше не значитъ. Я еще могу быть полезнымъ и

не все погибло. Вотъ причина, почему я остаюсь. Она должна казаться мнѣ очень важной, если я не рѣшаюсь уѣхать, какъ можно скорѣе, чтобы соединиться съ тобой и сговориться, какъ устроить въ будущемъ нашу жизнь, сообразно съ твоими вкусами и съ тѣми скудными средствами, которыя у насъ останутся. Ихъ хватитъ, чтобы не жить въ нищетѣ. Будемъ надѣяться на Бога. Онъ нашъ общій Отецъ".

Отецъ писалъ еще изъ Воронова отъ 16 Сентября. „Четыре тысячи французовъ заставляютъ отступать 15.000 нашихъ, и я сомнѣваюсь, чтобы Кутузовъ остановился даже у Калуги. Завтра, въ 17 вв. отсюда, кончается Московская губ. и вмѣстѣ съ тѣмъ кончатся и мои печальныя обязанности, все будетъ подъ игомъ разбойника Наполеона. Посылаю къ Государю курьера, онъ тебѣ привезетъ мое письмо. Такъ какъ почта не дѣйствуетъ и мнѣ придется сдѣлать огромный крюкъ, чтобы добраться до Ярославля, то раньше двухъ недѣль намъ не удастся свидѣться, такъ какъ мнѣ придется ѣхать отсюда на своихъ лошадяхъ. Прощай, мой добрый другъ, я покидаю съ удовольствіемъ мѣсто, которое мнѣ опротивѣло. Единственнымъ утѣшеніемъ мнѣ служитъ мысль, что мы будемъ счастливѣе, будучи бѣдными. Комната, гдѣ родилася Лиза (наша маленькая сестра) будетъ, можетъ быть, завтра сожжена".

19 Сентября отецъ самъ сжегъ нашъ великолѣпный домъ въ Вороновѣ, предварительно помѣстивъ надъ церковными воротами слѣдующее объявленіе: „Въ теченіи 8-ми лѣтъ я украшалъ эту усадьбу и счастливо въ ней прожилъ въ кругу своей семьи. Населеніе имѣнія, въ количествѣ 1720 человѣкъ, бросаетъ его изъ за вашего приближенія, а я поджигаю домъ, чтобы онъ не былъ оскверненъ вашимъ присутствіемъ. Французы! я вамъ оставилъ свои два дома въ Москвѣ съ имуществомъ въ нихъ на пол-милліона рублей здѣсь вы найдете одинъ пепелъ".

Мы видѣли, что отецъ сначала намѣревался быть полезнымъ своему отечеству, оставаясь при арміи, но затѣмъ измѣнилъ этому намѣренію, съ тѣмъ, чтобы ѣхать во Владиміръ, а оттуда къ намъ въ Ярославль. Причиной его отъѣзда былъ возмутившій отца образъ дѣйствій князя Кутузова. Видя, что солдаты продолжаютъ грабить и притѣснять бѣдныхъ крестьянъ, отецъ рѣшилъ, не смотря на

все отвращеніе, внушаемое ему главнокомандующимъ нашей арміей, попросить быть имъ принятымъ, чтобы довести до его свѣдѣнія факты, о существованіи которыхъ онъ, можетъ быть, и не подозрѣвалъ. Аудіенціи было довольно трудно добиться, и послѣ перваго отказа, за которымъ послѣдовалъ и второй, мой отецъ потерялъ терпѣніе и поручилъ одному изъ своихъ адъютантовъ передать фельдмаршалу, что, считая свое присутствіе при арміи излишнимъ, такъ какъ ни одно изъ его представленій не удостоилось вниманія, онъ рѣшается удалиться съ театра войны и будетъ ожидать въ Ярославлѣ разрѣшенія положенія, съ чѣмъ было связано его возвращеніе въ Москву Съ этихъ поръ оба врага больше уже не видѣлись. Была и другая причина побудившая отца уѣхать. Не желая насъ безпокоить, онъ не жаловался на свое здоровье, сильно разстроившееся отъ перенесенныхъ имъ нравственныхъ потрясеній въ теченіи этого грустнаго Сентября; болѣзнь печени и разлитіе желчи вызывали припадки безпокойства, уныніи и глубокой тоски. Со 2-го Сентября отецъ сталъ мраченъ и съ тѣхъ поръ только по временамъ къ нему возвращались проблески веселости и хорошаго настроенія.

Мы грустно проводили время въ Ярославлѣ. Тогда тамъ находилось много переселенцевъ изъ Москвы, но мать избѣгала ихъ общества, такъ какъ видѣла по холодности ихъ обращенія, на сколько они были возстановлены противъ отца за то, что не были своевременно извѣщены о сдачѣ города. Ихъ жалобы на понесенныя ими матеріальныя утраты не могли вызывать съ нашей стороны особенно сильнаго сочувствія, такъ какъ мы сами потеряли, благодаря пожару, больше другихъ, но мысль, что бѣдный отецъ станетъ предметомъ ненависти этихъ жалкихъ эгоистовъ, глубоко меня удручала. У насъ часто проводилъ вечера одинъ прусскій офицеръ, раненый подъ Бородинымъ, который съ самаго начала войны храбро сражался въ рядахъ нашихъ войскъ. Онъ говорилъ только по нѣмецки, что нѣсколько затрудняло съ нимъ разговоръ, но въ общемъ былъ настолько пріятенъ, вѣжливъ и казался такъ тронутъ пріемомъ, который мы ему оказали, что мы искренно жа-

лѣли, когда, поправившись, онъ уѣхалъ обратно къ арміи. Нѣсколько лѣтъ спустя отецъ встрѣтился съ нимъ въ Берлинѣ и получилъ отъ него поэму его сочиненія, въ которой сестра и я были описаны въ краскахъ, крайне лестныхъ для нашего самолюбія.

Въ началѣ Октября мы имѣли удовольствіе свидѣться съ моимъ братомъ Сергѣемъ. Его пріѣздъ нѣсколько оживилъ нашу грустную жизнь и мы съ большимъ интересомъ слушали его разсказы о войнѣ; братъ былъ очень уменъ и обладалъ умѣньемъ хорошо разсказывать. Отецъ не могъ съ нимъ пріѣхать, такъ какъ сильно занемогъ и долженъ былъ остановиться, по дорогѣ къ намъ, во Владимірѣ. Вотъ какъ онъ сообщалъ объ этомъ въ письмѣ къ матери отъ 3-го Октября.

«Не пугайся, мой добрый и дорогой другъ, что Сергѣй пріѣдетъ безъ меня. Я здѣсь уже третій день. На другой день по пріѣздѣ я всталъ съ лихорадкой, а вечеромъ у меня была желчная рвота, ночь я провелъ очень безпокойно, но съ сегоднешняго утра чувствую себя лучше. Моя болѣзнь произошла отъ растройства желудка, но важнѣе всего печаль отъ разлуки съ тобой и дѣтьми, неизвѣстность будущаго, зрѣлище всего, что я видѣлъ и, наконецъ, состояніе родины. Вотъ въ чемъ болѣзнь моя и вся исторія моихъ страданій. Если я проведу сносно одну ночь, то ты увидишь меня близъ себя черезъ два дня по прибытіи Сергѣя... Не мало грустныхъ разговоровъ поведемъ мы вдвоемъ о бѣдствіяхъ, которыя обрушились на наши головы. Мы ихъ заслужили, но пусть Господня благость даруетъ хоть нашимъ дѣтямъ болѣе мирныя времена. Ты видишь, мой другъ, что я выбралъ для тебя единственный городъ, гдѣ ты могла быть до извѣстной степени спокойна, даже въ Нижнемъ не обошлось безъ тревоги. Ужасъ овладѣлъ Курскомъ и Воронежомъ, жители которыхъ хотѣли бѣжать. Крестьяне Московской губерніи ведутъ себя, какъ вели бы себя русскіе въ старину. Третьяго дня пришло извѣстіе, что 3000 крестьянъ побили и прогнали въ 35 верстахъ отъ Москвы 800 французовъ, явившихся для фуражировки. Вездѣ по дорогѣ я встрѣчалъ московскихъ купцовъ, сбѣгавшихся повидать меня и поблагодарить за мое управленіе. Всѣ они говорятъ, что вернутся въ Москву только въ томъ случаѣ, если тамъ буду я. Но тамъ Бона-

партъ, и если съ нимъ заключатъ миръ, то Россія погибнетъ въ будущемъ году».

Наконецъ, насталъ день нашего избавленія отъ Наполеонова ига, но, какъ всегда въ такихъ случаяхъ жизни, радость наша не могла быть полной: болѣзнь отца, горе, которое онъ долженъ былъ испытывать при видѣ разрушенной Москвы, и множество огорченій, ожидавшихъ его при водвореніи порядка среди окрестныхъ крестьянъ,—все это насъ безпокоило и мѣшало предаваться надеждѣ провести пріятную зиму. Вотъ письмо, въ которомъ отецъ намъ сообщаетъ это радостное извѣстіе.

«Шнаубертъ спасъ меня отъ гнилой лихорадки, но такъ какъ я плохо сплю, то силы мои медленно возстановляются. Извѣстія сегодняшняго утра измѣняютъ всѣ наши предложенія. 7-го числа выѣхалъ Бонапартъ со своей гвардіей, а 11-го вся армія очистила Москву. Этотъ извергъ взорвалъ Кремль. Я уже отправилъ полицію, чтобы воспрепятствовать нашимъ раззорить до конца то немногое, что еще осталось невредимымъ въ несчастномъ городѣ. Я подожду курьера отъ полиціймейстера, а потомъ самъ направлюсь въ Москву, не зная еще, найду ли тамъ, гдѣ остановиться. Когда узнаю объ этомъ, то пришлю къ тебѣ курьера, ты пріѣдешь ко мнѣ и мы среди всѣхъ ужасовъ будемъ вмѣстѣ. Провидѣніе нанесло намъ жестокій ударъ, чтобы призвать насъ къ себѣ, но въ то же время эта погубленная Москва погубитъ и злодѣя. У него остается всего 50.000 человѣкъ. Подумай, сколько ихъ еще погибнетъ въ теченіи пути въ 1200 верстъ въ теперешнее время года, когда его будутъ преслѣдовать разные корпуса войскъ, 17000 козаковъ и всѣ жители деревень...

Прощай, мой истинный другъ, о, если бы я могъ черезъ недѣлю обнять тебя въ нашемъ домѣ! Или, можетъ быть, намъ придется помѣститься въ какой-нибудь лачугѣ. Прощай, молись Богу за меня. Посылай мнѣ курьера черезъ каждые 36 часовъ или чрезъ каждые 24 часа, пока вы въ Ярославлѣ»...

Отецъ вернулся въ Москву въ послѣднихъ числахъ Октября. Ужасъ охватилъ его при видѣ грустныхъ раз-

валинъ. Онъ направился къ нашему дому [1]), уцѣлѣвшему, благодаря сосѣдству съ католической церковью св. Людовика, настоятелю которой, аббату Зюригу, удалось отстоять храмъ и дома прихожанъ [2]). Мать много жертвовала на украшеніе этой церкви, куда каждый день ходила молиться, и добрый аббатъ пожелалъ оказать ей услугу сохраненіемъ дома, которымъ она дорожила изъза сосѣдства къ своему духовному руководителю. Впрочемъ, отъ дома остались однѣ стѣны, богатая библіотека, картины, мебель, все было расхищено. Къ нашему возвращенію постарались, насколько могли, привести все въ порядокъ. Въ письмѣ отъ 27-го Октября мой отецъ слѣдующимъ образомъ описываетъ свой образъ жизни.

«Пишу тебѣ, мой другъ, съ однимъ отъѣзжающимъ. Мнѣ нечего сказать тебѣ новаго, развѣ только то, что я не чувствую себя хорошо и что, занятый весь день разными распоряженіями, я вынужденъ работать по ночамъ. Я отправилъ курьера въ Петербургъ. Крестьяне начинаютъ опустошенія: такъ какъ грабить нечего, то они громятъ. Это они сдѣлали въ Петровскомъ у графа Льва [3]) и въ Архангельскомъ у Юсупова. По счастью у меня есть козаки, чтобы ихъ образумить, и я надѣюсь, что порядокъ будетъ скоро возстановленъ. Я вездѣ разыскиваю стекла, а къ довершенію непріятностей печи дымятъ. Я грустнѣе чѣмъ когда-либо. Прибылъ курьеръ изъ арміи, онъ привезъ извѣстіе, что Бонапартъ сдѣлалъ въ два перехода 100 верстъ и находится въ Смоленскѣ. Его арьергардъ ускользнулъ отъ Платова, забавлявшагося грабежомъ обоза, который былъ ему нарочно брошенъ. Впрочемъ, Чичаговъ въ Минскѣ и можетъ загородить ему путь. О, другъ мой, какъ ты будешь поражена, въѣхавъ въ этотъ несчастный городъ. Съ несчастіемъ легче было бы примириться если бы, принеся въ жертву столицу, мы этимъ умилостивили Всевышняго.

Въ первыхъ числахъ Ноября мы получили письмо отъ отца, въ которомъ онъ вызывалъ насъ къ себѣ; онъ

---

[1]) На Лубянкѣ.
[2]) Гр. Ростопчина перешла въ католичество.
[3]) Разумовскаго.

Прим. перев.

прислалъ намъ своего ординарца, который долженъ былъ насъ сопровождать. Мы выѣхали 7-го Ноября. Благодаря обычной въ это время года гололедицѣ и безчисленнымъ колеямъ, дороги были такъ отвратительны, что мы употребили шесть дней на наше обратное путешествіе. Проѣздомъ черезъ Ростовъ моя мать не пожелала поклониться мощамъ Св. Дмитрія, такъ какъ онъ не признается святымъ католическою церковью. Но я, ранѣе не видавшая этой святыни, поднялась, пока всѣ еще спали, и въ сопровожденіи горничной пошла въ соборъ, гдѣ почивали мощи Святителя, и отстояла тамъ утреню. Послѣ съ благоговѣніемъ подошла къ великолѣпной ракѣ, у которой стоялъ монахъ, указавшій мнѣ на открытую для прикладыванія руку Святого, а затѣмъ на серебряное блюдо, куда богомольцы клали свои приношенія. Выйдя изъ церкви, я остановилась послушать звонъ колоколовъ, призывавшій вѣрующихъ къ ранней обѣднѣ. Добродушный старичекъ монахъ пригласилъ меня подняться на колокольню, откуда я должна была услышать чудную по его словамъ музыку. И, дѣйствительно, когда я достигла первой площадки колокольни, мой слухъ былъ пораженъ звуками, полными величественной гармоніи. Инструментъ, издававшій эти звуки, былъ ни что иное, какъ рядъ колоколовъ, такъ подобранныхъ, что получалась музыкальная гамма. Не могу выразить всю прелесть этой мелодіи, разносившейся въ утреннемъ воздухѣ, звуки ея разливались въ ясной и спокойной ночи и постепенно замирали по мѣрѣ того, какъ исчезали звѣзды на утреннемъ небосклонѣ; окрестные темные и величественные лѣса поглотили послѣдній отголосокъ этого торжественнаго и звучнаго гимна. Сколько разъ въ теченіе моей жизни хотѣлось мнѣ, просыпаясь по утру, еще разъ услышать симфонію колоколовъ Ростова и Сергія Троицы. Мнѣ кажется, что симфонія колоколовъ могла бы унять всѣ житейскія волненія, направивъ мысль къ мѣсту успокоенія души и ума, т. е. къ небу, какъ источнику всякой мелодіи и всякаго свѣта.

Я ожидала увидѣть окрестности Москвы сожженными и разоренными, но на послѣдней станціи, гдѣ мы остановились обѣдать, все оставалось по старому. По распоряженію отца, не желавшаго огорчать насъ видомъ опустошеннаго города, нашъ въѣздъ въ Москву совершился, когда уже стемнѣло. Въ Ноябрѣ начинаетъ темнѣть въ че-

тыре часа, а было уже шесть, когда мы достигли разоренныхъ предмѣстій. Увы, что за зрѣлище представилось со всѣхъ сторонъ нашимъ взорамъ. Обломки печей, полуобвалившіяся стѣны, длинный рядъ опустѣлыхъ и обгорѣлыхъ внутри домовъ; мрачныя напоминанія былого величія угрюмо выдѣлялись на фонѣ бѣлаго снѣга. Всюду чувствовался запахъ гари, мѣстами движеніе затруднялось обломками, загромождавшими улицы, по временамъ раздавался трескъ обвалившейся стѣны или лай собаки, сторожившей шалашъ, поставленный на мѣстѣ какого-нибудь великолѣпнаго дворца. Меня все болѣе охватывалъ ужасъ при видѣ такого разоренія по мѣрѣ того, какъ мы подвигались по этой безлюдной пустынѣ, походившей на обширное кладбище, наполненное надгробными памятниками. Не смотря на то, что за нѣсколько дней до нашего пріѣзда намъ расчистили путь среди обломковъ и что верховые освѣщали дорогу, мы могли подвигаться только шагомъ и употребили цѣлый часъ, чтобы выбраться изъ этихъ мрачныхъ мѣстъ. Наконецъ, мы достигли центра города и тутъ нашимъ взорамъ представилась болѣе отрадная картина: намъ стали попадаться пѣшеходы и даже изрѣдка экипажи. Лубянка, улица, на которой мы жили, была освѣщена, какъ всегда. Всѣ дома на ней сохранились въ цѣлости, а нашъ домъ предсталъ передъ нами такимъ, какимъ мы его оставили, и великолѣпно освѣщеннымъ; во дворѣ стояло много экипажей. Съ какой радостью мы поднялись по ступенькамъ лѣстницы, которую мы не надѣялись больше видѣть. Отецъ радостно вышелъ къ намъ навстрѣчу. Увы, онъ очень измѣнился,—два мѣсяца безпрерывной тревоги и горя состарили его на десять лѣтъ. Мы вошли съ нимъ въ гостиную, гдѣ насъ ждали губернскіе чиновники и знакомые родителей, прибывшіе поздравить насъ съ пріѣздомъ. Мы провели вечеръ, разсматривая поврежденія въ домѣ, которыя впрочемъ не трудно было исправить. Въ большинствѣ комнатъ не было мебели и пріобрѣсти ее не было возможности, такъ какъ всѣ магазины были опустошены. Полиціи удалось достать на-прокатъ у частныхъ лицъ нѣсколько столовъ и стульевъ, которые возвращались владѣльцамъ по мѣрѣ того, какъ столяры доставляли намъ новые. Водворившись въ свою комнату, я съ удовольствіемъ могла видѣть изъ окна, выходившаго на улицу, рядъ мелочныхъ лавочекъ, освѣщенныхъ фонарями, что доказало мнѣ,

что Москва не была лишена ни торговцевъ, ни покупателей.

Благодаря большому приливу всякаго рода мастеровыхъ, Москва скоро приняла свой обычный видъ. Подъ Москвой я разумѣю только ту часть города, гдѣ мы жили; остальныя были разорены и безлюдны. Служащіе и неслужащіе дворяне, желавшіе наблюдать за возобновленіемъ своихъ домовъ, вернулись въ свои разоренныя гнѣзда, но большинство москвичей провели эту первую зиму въ своихъ имѣніяхъ по недостатку средствъ къ переселенію. Само собой разумѣется, что за всю зиму не было ни баловъ, ни спектаклей. Общество собиралось два раза въ недѣлю у моихъ родителей и еще въ нѣсколькихъ домахъ, уцѣлѣвшихъ, подобно нашему, отъ пожара.